

Научная статья
УДК 821.161.1.09“18”
DOI: 10.15393/j9.art.2021.9044

Антропологическая проблематика творчества Ф. М. Достоевского

М. А. Шалина

*Евпаторийский институт социальных наук (филиал)
ФГАОУ ВО Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
(г. Евпатория, Российская Федерация)
e-mail: marie_ka@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены антропологические аспекты творчества Ф. М. Достоевского, в изучении которых необходимо учитывать выраженную христианскую направленность художественной системы классика. Центром этой системы является идеал Христа, в свете которого формируется концепция человека у Достоевского, а также определяется типология персонажей. Доминирующим типом выступает герой-идеолог, однако, кроме подпольного типа, он представлен и героями «положительной идеи», проповедующими не идею насильственного изменения мира для достижения всеобщего счастья, а идею спасения через преобразование личности во Христе. Антропологическим открытием Достоевского явилась не только мысль о сострадании к падшему во грехе человеку, но и концепция переходности человека в земном существовании, а значит, и утверждение идеи о бессмертии, в котором человек достигнет своей полноты и гармонии. Квинтэссенцией антропологической концепции Достоевского становится мысль о «всечеловечности» и «всемирной отзывчивости», способной объединить людей на основании духовного братства и принятия чужого как родного.

Ключевые слова: Достоевский, антропология, типология литературного героя, герой-идеолог, подполье, православная гносеология, всечеловек

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90036 («Достоевский в средней и высшей школе: проблемы и новые подходы»).

Для цитирования: Шалина М. А. Антропологическая проблематика творчества Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 1. С. 209–220. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9044

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2021.9044

Anthropological Problems of F. M. Dostoevsky's Creativity

Marina A. Shalina

Evpatoria Institute of Social Sciences (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University

(Evpatoria, Crimea, Russian Federation)

e-mail: marie_ka@mail.ru

Abstract. The article deals with the anthropological aspects of Dostoevsky's creative work. Its study requires researchers to take into account the classic's pronounced Christian orientation of the artistic system. In the center of this system is the ideal of Christ, in whose light Dostoevsky's concept of man is formed and the typology of characters is determined. The dominant type is the hero-ideologist, however, in addition to the underground type, he is also represented by the heroes of the "positive idea". The latter preach the idea of salvation through the transformation of the person in Christ, rather than the idea of forcibly changing the world to achieve universal happiness. However, Dostoevsky's anthropological discovery was not only the idea of compassion for a person fallen in sin, but also the concept of human transience in earthly existence, and hence the assertion of the idea of immortality, in which man will achieve his fullness and harmony. The quintessence of Dostoevsky's anthropological concept is the idea of "all-humanity" ("vsechelovechnost") and "universal responsiveness", capable of uniting people on the basis of spiritual brotherhood and acceptance of the alien as one's own.

Keywords: F. M. Dostoevsky, anthropology, typology of a literary hero, hero-ideologist, underground, Orthodox epistemology, panhuman, vsechelovek

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90036.

For citation: Shalina M. A. Anthropological Problems of F. M. Dostoevsky's Creativity. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2021, vol. 19, no. 1, pp. 209–220. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9044 (In Russ.)

Сербский святой, преподобный архимандрит Иустин (Попович), именовал Достоевского «пророком и апостолом православного реализма» [Преподобный Иустин, 2004: 172], отмечая, что в своем художественном мире русский писатель «отбрасывает проходящий, временный, антропоцентрический смысл истории и усваивает бессмертный, вечный и богочеловеческий» [Преподобный Иустин, 2002: 16]. В центре творческих

размышлений Достоевского всегда находились вопросы о существовании Бога, о возможности или невозможности для цивилизованного человека верить в Него, о Богочеловеке Христе как идеале, идея о бессмертии души и не окончательности, а только переходности состояния земной жизни, предощущение Царствия Божия. Религиозным мировосприятием обусловлен особый «реализм» Достоевского, именуемый исследователями «фантастическим» [Jones, 2005], реализмом «в высшем смысле» [Степанян, 2005], «христианским реализмом» [Захаров, 2001]. В творчестве писателя убедительно утверждается мысль православного богослова:

«Только с воплощением Бога Логоса люди познали настоящую, непреходящую, вечную реальность. <...> После воплощения во всем людском начинает присутствовать Божественная реальность. И всякий человек настолько реален, насколько воссоединил себя с воплощенным Богом Логосом» [Преподобный Иустин, 2002: 245].

Закономерно, что в осознанной перспективе духовного бытия, идеи бессмертия и христианского идеала Достоевскому открылось совершенно особое понимание человека.

Религиозные размышления в мире Достоевского в своей остроте воплощаются через микрокосм личности, через борения в человеческой душе. По заключению Н. Бердяева, «у Достоевского было одному ему присущее, небывалое отношение к человеку и его судьбе — вот где нужно искать его пафос, вот с чем связана единственность его творческого типа. У Достоевского ничего и нет кроме человека, все раскрывается лишь в нем, все подчинено лишь ему» [Бердяев. Откровение].

Несмотря на утверждение философа, что мысль писателя «занята антропологией, а не теологией», он приходит к выводу: «Бог раскрывается ему <Достоевскому> в судьбе человека» [Бердяев. Мирозерцание].

Любое истолкование художественного произведения начинается с героя. Именно через действующих лиц и их взаимосвязи реализуется сюжет, воплощается проблематика, автор доносит свою идею. Авторская позиция Достоевского выражается через отношение того или иного персонажа к Богу

и сотворенному Им миру, через обращенность сознания героя к себе или Другому.

Уже в первых произведениях Достоевского намечены два основных направления, по которым будет происходить разделение героев писателя. М. Бахтин назовет их «категориями самосознания»: *бунт* Голядкина и *смирение* Девушкина [Бахтин, 1972: 131]. Гордыня или смирение, эгоизм или жертвенность — вот те основные полюсы, по которым расходятся в своем внутреннем движении герои Достоевского и по которым можно судить об авторском замысле и об оценке персонажей.

Центральным типом героя в художественной системе Достоевского, бесспорно, является герой-идеолог. Генезис данного образа видится самому писателю в феномене мечтательства, которое, будучи чертой биографической, на раннем этапе его творческой деятельности мыслится как знак особого восприятия действительности, устремленности души к «высокому и прекрасному». Однако после сибирской каторги и в результате «перерождения убеждений» переосмысливается и предстает в качестве пагубного и даже губительного отрыва личности от живой жизни. Первым героем-идеологом признан образ подпольного Парадоксалиста, теоретика идеи «подполья» и носителя подпольного психологического комплекса (подробнее см: [Шалина, 2016]). После «Записок из подполья» — идейно-проблематического концентрата всего последующего творчества писателя — тип героя, охваченного и даже «придавленного» идеей и сосредоточившего смысл своего существования на разрешении этой идеи, становится доминирующим. Достаточно вспомнить ярких героев-идеологов «подпольного типа» в романах «великого пятикнижия»: Раскольников, Ипполита Терентьева, Крафта, Ставрогина, Шатова, Кириллова, Версилова, Аркадия Долгорукого, Ивана Карамазова.

Достоевский демонстрирует различные формы рационалистического (как следствие — атеистического) отпадения от Бога или искажения веры. Так, Раскольников исповедует право сильной личности преступать закон, убить «вошь» — ростовщицу — во имя спасения сотен и тысяч неимущих; инженер Кириллов жаждет освободить людей от страха

смерти, явить миру своеволие человекобога, покончив с собой; Ипполит Терентьев бунтует против косности природы и несправедливости устройства Божьего мира, Иван Карамазов — против мировой гармонии, устроенной на слезинке ребенка; Крафт в «Подростке» и вовсе убивает себя, следуя идее несостоятельности и бесперспективности развития русской нации. Даже близкая Достоевскому «почвенная» идея русского народа как «богоносца» в устах Шатова (то есть шаткого, шатающегося в своих воззрениях, «недосиженного») теряет свою значимость, не подкрепленная верой самого идеолога (напомним, что на вопрос Ставрогина: «...Веруете вы сами в Бога или нет?» — Шатов отвечает в смятении: «Я... буду веровать в Бога»¹).

Именно наличие идеи — то, что выделяет героев и отчуждает от социума; в «усиленном сознании» черпается пища для удовлетворения гордыни и тщеславия. Вспомним «ротшильдоду» идею Подростка — достичь свободы в полном уединении и сознании могущества, открываемого деньгами, которые даже посредственность приводят на первое место. Однако, рисуя Люциферову гордыню своих персонажей, каждый из которых мнит себя избранным, писатель обнажает истинное положение вещей — глубокий трагизм и безысходность существования личности, обреченной на вселенское одиночество и утрату благодатной связи с живой жизнью. Трагизм усиливается еще и тем, что в минутных проблесках замутненной идеей сознания идеологи понимают, что они — «мертворожденные», да и рождаются-то «давно уж не от живых отцов» (6, 179). Ужас заключается в том, что подпольный герой, по замыслу и убеждению Достоевского, — «главный человек в русском мире» (16, 407), автор констатирует не только его индивидуальную «мертворожденность», но и уже не первого поколения русских интеллигентов: «...Нам все более и более нравится. Во вкус входим» (16, 407).

Однако открытие писателем «подполья» как психосоциального феномена — только «низший уровень его концепции человека» [Захаров, 2018: 3].

В «Записках из подполья» задана центральная для послесибирского периода творчества Достоевского оппозиция «подполья» и «живой жизни» как системообразующих ценностных

полюсов. Подпольному Парадоксалисту — *антигерою* — противопоставлена *героиня* — Лиза, носительница «живой жизни», от соприкосновения с которой подпольный приходит в смятение. Образ Лизы будет продолжен в «святой блуднице» Соне Мармеладовой, а также в других образах «падших» женщин у Достоевского (например, Софьи Долгорукой), основными качествами которых являются безусловная вера, смирение и жертвенная любовь, способная воскресить погибающего под гнетом идеи подпольного героя (у Сони — Раскольникова, у Софьи Андреевны — Версилова).

Обычно герои-идеологи — рационалисты, характеризуются в качестве подпольных и противопоставляются обладателям «главного ума», то есть мудрости сердца. Однако в художественной системе Достоевского и эти последние являются в определенной степени идеологами, только проповедают не собственные измышленные идеи, но Идею, данную свыше — Истину Христа. Это *герои «положительной идеи»* («христологии», как называет их преподобный Иустин [Преподобный Иустин, 2002: 22]): Соня Мармеладова («носительница «Православного воззрения», которая в черновиках к роману имела гораздо более активную речевую стратегию воздействия), князь Мышкин, проповедующий идею «русского Христа», странник Макар Долгорукий, открывающий Подростку идею «благообразия», старец Зосима и его философия любви и совиновности, благостного приятия мира.

В общем-то именно в этом — в верности заветам Господа, главный из которых любовь, — и состоит основная идея положительных героев Достоевского и, без сомнения, самого автора, стоящего за ними. В книге «Достоевский и его христианское миропонимание» Н. О. Лосский писал: «Основное условие такой интимной связи существ (имеется в виду преобразование, «полнота духовной жизни членов Царства Божия». — М. Ш.) есть любовь к Богу, бóльшая, чем к себе, и любовь к другим существам, равная любви к себе. Грехопадение есть предпочтение своего я, как целого, или каких-либо частных целей своей жизни Богу и другим существам» [Лосский]. В полной мере данные тезисы религиозного философа изложены в поучениях и советах старца Зосимы. «По мере

того как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии Бога, и в бессмертии души вашей», — говорит он «маловойрной даме» мадам Хохлаковой (14, 52). «...Любите человека и во грехе его <...> Любите все создание Божие, и целое, и каждую песчинку», — проповедует старец (14, 289).

И здесь снова обратимся к словам преподобного Иустина, который говорит об «активной любви» как единственном пути личности к богопознанию. Этот путь был применен и указан воплощенным Богочеловеком и стал методом «*православной гносеологии*» [Преподобный Иустин, 2002: 21].

«Есть лица, которые изначала, стремясь к полноте жизни, руководятся в своем поведении любовью к Богу, а следовательно, вместе с Богом, и любовью ко всем сотворенным Им существам; эта любовь выражается в том, что они, не нарушая ничьей свободы, стремятся в гармоническом единодушии со всем миром соборно осуществлять полноту жизни», — это сказано об истинном выражении любви и свободы христианской [Лосский]. Парадокс героев-идеологов Достоевского состоит в том, что вместе с эгоцентрическим стремлением к самоутверждению через свою идею большинству из них в то же самое время присуще внутреннее мессианство и искреннее желание облагодетельствовать человечество, но — насильно, что, как показывает писатель, не приводит к желаемому достижению счастья. При этом Достоевский демонстрирует разницу между обманной, абстрактной «любовью ко всему человечеству» и конкретной, действенной любовью к ближнему: вспомним бунт Ивана против гармонии, устроенной на «детской слезинке», и добровольное принятие судебного приговора Митей, идущего пострадать «за всё дитё». Существенная разница между устремлениями героев состоит в том, что одни из них живут идеей земного счастья, а другие — идеей спасения в вечности.

В научном осмыслении антропологии Достоевского обозначены два вектора: анализ подполья как единственной (или самой репрезентативной) доминанты художественного мира писателя, с одной стороны, и, с другой, — кредо «найти в человеке человека», то есть «образить, обожить — восстановить образ Божий и тем самым очеловечить человека», отыскать

«возможную полноту Творца и творения» [Захаров, 2013: 154, 155]. Второй вектор видится нам гораздо более продуктивным и выражающим глубинный творческий замысел Достоевского, ведь и к своему страдающему подпольному типу героя писатель стремился вызвать сочувствие:

«Вы сердитесь, что есть такие люди. — Чтоб взглядеться в них, открыть их, — надо иметь любовь к людям. Тогда будете иметь и глаза и увидите, что их множество» (16, 407).

Подпольный тип героя, безусловно, является своеобразной «визитной карточкой» творчества классика, «подпольная психология делает его <персонажа> сразу узнаваемым в качестве “героя Достоевского”» [Криницын: 147]. С преобладанием подпольных героев и раскрытием самого феномена «подполья» в различных аспектах жизни связаны многочисленные обвинения писателя в жестокости, мучительстве и склонности обнаруживать лишь такие нелицеприятные, «омерзительные», «теневые» стороны бытия. Однако данный ошибочный взгляд присущ только сознанию, лишенному понимания перспективы преображения человека. Достоевский — «православный Данте» [Преподобный Иустин, 2002: 26], который осмеливается спуститься в бездны нашего внутренне-го ада для одной цели — очищения и воскресения каждого из нас. Сквозь призму религиозных идей становится очевидным свет и великое жизнеутверждающее начало творчества Достоевского. В трагических романах в противовес безысходности писателем всегда указан выход из тупика. Духовное же развитие человека — даже самого «маленького» — безгранично: «У каждого “золотой вѣкъ въ карманѣ”, “бездарность” может стать гением» благодаря искренности и простодушию, чистоте и честности, доброте и милосердию; «каждый — гений, каждый — Шекспир», «в каждом человеке есть образ Божий, каждый способен сознать себя в словах и Слове» [Захаров, 2018: 4, 7].

«Достоевский вошел в мировую литературу с новым словом о человеке», — пишет В. Н. Захаров, — и «в научном определении антропология Достоевского — христианская» [Захаров, 2013: 154]. С данным утверждением сложно не согласиться. Антропологическая концепция писателя связана с мыслью

о том, что «человек есть на земле существо только развивающееся, след<овательно>, не оконченное, а переходное» (20, 173); «человек есть целое лишь в будущем, а вовсе не исчерпывается весь в настоящем» (24, 247).

В различных художественных версиях Достоевский доказывает, что все доктрины устройства «рая на земле» — без Бога — не просто утопичны и неосуществимы, но губительны для человечества. Цель человека на земле — внутреннее делание, путь духовного очищения и преображения, восстановления в себе лика Божия путем смирения гордыни и любви к ближнему, превышающей любовь к себе. Вместе с тем тезис о переходности, то есть незавершенности человеческой жизни на земле, приводит к предчувствованию «миров иных» и к осознанию необходимости веры в бессмертие души, которую Достоевский считал «единственным источником живой жизни на земле» (24, 49–50) — «жизни, здоровья, здоровых идей и здоровых выводов и заключений» (24, 52).

Искание Бога — цель «не только личных, но и народных движений, цель истории человечества» [Преподобный Иустин, 2002: 17]. Квинтэссенцией антропологической концепции Достоевского становится его мысль о всечеловечности Пушкина, о «всемирной отзывчивости» вообще русского человека, способного вместить «чужие гении в душе своей, как родные» (26, 148), понять немощи другого и сердечно откликнуться на чужие беды, «стать братом всех людей, *всечеловеком*» (26, 147). Идея Достоевского о всечеловечестве как братстве во Христе будет осмыслена в полноте и развита в книге преподобного Иустина (Поповича) «Достоевский о Европе и славянстве», где славянская (православная) всечеловечность как сопричастность евангельской любви противопоставлена европейскому антропоцентризму, в котором человек эгоистически мнит себя самодостаточным. Сербский богослов обосновывает тезис об истинно апостольском служении Достоевского и русской культуры в несении миру света православной идеи.

Способность не просто соединиться с чужим, принципиально непознаваемым сознанием, «ассимилироваться с героем» [Киносита: 12], но вместить в себя иного «как родного»,

характерна, прежде всего, для самого всечеловека Достоевского и составляет уникальность его творчества. Потому признание писателя в том, что он героев, даже отрицательных, например Ставрогина, «берет из сердца», следует понимать не в значении присущих автору недостатков и «грехов» его персонажей, а в контексте призыва открыть свою душу для принятия и прощения ближнего, увидеть в человеке — и человеческое, и божественное в акте «деятельной любви», за вещанной Спасителем.

Примечания

- ¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. 10. С. 200–201. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома (нижним индексом — полутома) и страницы в круглых скобках.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Идея у Достоевского // Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Худож. лит., 1972. С. 130–169.
2. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/dostoevsky/index.html> (22.04.2020).
3. Бердяев Н. А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/otkrov.html> (22.04.2020).
4. Захаров В. Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. 2001. Т. 6. С. 5–20 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2511> (22.04.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2001.2511
5. Захаров В. Н. Художественная антропология Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2013. Вып. 11. С. 150–164 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431455945.pdf (22.04.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2013.377
6. Захаров В. Н. Кто гений, кто Шекспир? Из антропологических открытий Достоевского // Русская словесность. 2018. № 2. С. 3–8.
7. Киносита Т. Творчество Ф. М. Достоевского: проблема авторской позиции: сб. ст. СПб.: Серебряный век, 2017. 160 с.
8. Криницын А. Б. О своеобразии типа героя-идеолога у Достоевского // Филология: научные исследования. 2016. № 2. С. 144–152. DOI: 10.7256/2305-6177.2016.2.18424
9. Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/6/dostoevskij-i-ego-hristianskoe-miroponimanie/> (22.04.2020).

10. Преподобный Иустин (Попович). Достоевский о Европе и славянстве. М.; СПб.: Сретенский монастырь, 2002. 288 с.
11. Преподобный Иустин (Попович). Достоевский как пророк и апостол православного реализма // Преподобный Иустин (Попович). Философские пропасти. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2004. С. 172–187.
12. Степанян К. А. «Сознать и сказать»: «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф. М. Достоевского. М.: Раритет, 2005. 512 с.
13. Шалина М. А. Повесть «Записки из подполья» в системе занятий по творчеству Ф. М. Достоевского // Филологические чтения: Человек. Текст. Дискурс: материалы конференции / сост. Е. А. Федорова, под ред. И. А. Стернина, М. В. Шамановой. 2019. С. 190–197.
14. Jones Malcolm V. Dostoevsky after Bakhtin: readings in Dostoevsky's fantastic realism. Cambridge [etc.]: Cambridge University Press, 2005. 221 p.

References

1. Bakhtin M. M. Dostoevsky's Idea. In: *Bakhtin M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo* [Bakhtin M. M. The Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972, pp. 130–169. (In Russ.)
2. Berdyaev N. A. *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [Dostoevsky's World View]. Available at: <http://www.vehi.net/berdyaev/dostoevsky/index.html> (accessed on April 22, 2020). (In Russ.)
3. Berdyaev N. A. *Otkrovenie o cheloveke v tvorchestve Dostoevskogo* [Revelation on Man in Dostoevsky's Works]. Available at: <http://www.vehi.net/berdyaev/otkrov.html> (accessed on April 22, 2020). (In Russ.)
4. Zakharov V. N. Christian Realism in Russian Literature (Problem Statement). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2001, vol. 6, pp. 5–20. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2511> (accessed on April 22, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2001.2511 (In Russ.)
5. Zakharov V. N. Dostoevsky's Poetic Anthropology. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2013, issue 11, pp 150–164. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431455945.pdf (accessed on April 22, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2013.377 (In Russ.)
6. Zakharov V. N. Who Is a Genius, Who Is Shakespeare? From the Anthropological Discoveries of Dostoevsky. In: *Russkaya slovesnost'*, 2018, no. 2, pp. 3–8. (In Russ.)
7. Kinosita T. *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo: problema avtorskoj pozitsii: sbornik statej* [Works of F. M. Dostoevsky. The Problem of the Author's Position: Collection of Articles]. St. Petersburg, Serebryanny vek Publ., 2017. 160 p. (In Russ.)
8. Krinitsyn A. B. On the Specificity of Dostoevsky's Hero-Ideologist as a Literary Type. In: *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: Scientific Research], 2016, no. 2, pp. 144–152. DOI: 10.7256 / 2305-6177.2016.2.18424 (In Russ.)

9. Losskiy N. O. *Dostoevskiy i ego khristianskoe miroponimanie* [*Dostoevsky and His Christian Understanding of the World*]. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/6/dostoevskiy-i-ego-hristianskoe-miroponimanie/> (accessed on April 22, 2020). (In Russ.)
10. Prepodobnyy Iustin (Popovich). *Dostoevskiy o Evrope i slavyanstve* [*Dostoevsky About Europe and Slavism*]. Moscow, St. Petersburg, Sretenskiy monastyr' Publ., 2002. 288 p. (In Russ.)
11. Prepodobnyy Iustin (Popovich). Dostoevsky as a Prophet and Apostle of Orthodox Realism. In: *Prepodobnyy Iustin (Popovich). Filosofskie propasti* [*Venerable Justin Popović. Philosophical Chasms*]. Moscow, Izdatel'skiy Sovet Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi Publ., 2004, pp. 172–187. (In Russ.)
12. Stepanyan K. A. «Soznat' i skazat'»: «Realizm v vysshem smysle» kak tvorcheskyy metod F. M. Dostoevskogo [“To Realize and to Say”: “Realism in the Best Sense of the Term” as an Artistic Method of F. M. Dostoevsky]. Moscow, Raritet Publ., 2005. 512 p. (In Russ.)
13. Shalina M. A. The Story “Notes from the Underground” in the System of Classes on the Dostoevsky's Works. In: *Filologicheskie chteniya: Chelovek. Tekst. Diskurs: materialy konferentsii* [*Philological Readings: Man. Text. Discourse: Conference Materials*], 2019, pp. 190–197. (In Russ.)
14. Jones Malcolm V. *Dostoevsky After Bakhtin: Readings in Dostoevsky's Fantastic Realism*. Cambridge etc., Cambridge University Press Publ., 2005. 221 p. (In English).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шалина Марина Александровна, *Marina A. Shalina*, PhD (Philology), кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических дисциплин и методик их преподавания, Евпаторийский институт социальных наук (филиал) ФГАОУ ВО Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (ул. Просмушкиных, д. 6, г. Евпатория, Российская Федерация, 297408); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4373-8331>; e-mail: marie_ka@mail.ru.

Associate Professor of the Department of philological disciplines and methods of their teaching, Evpatoria Institute of Social Sciences (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (ul. Prosmushkinykh 6, Evpatoria, Crimea, 297408, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4373-8331>; e-mail: marie_ka@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 25.04.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 09.01.2021

Принята к публикации / Accepted 12.01.2021

Дата публикации / Date of publication 05.02.2021